

БИБЛИОТЕКА — СОКРОВИЩНИЦА ХАСИДОВ — ЛЮБАВИЧ

ВОСПОМИНАНИЯ ПРАВЕДНОЙ РЕБЕЦН ХАНЫ,

ДА УПОКОИТСЯ ОНА С МИРОМ,
СУПРУГИ ПРАВЕДНОГО РАВВИНА, ГАОНА И ХАСИДА, КАББАЛИСТА,
НАШЕГО УЧИТЕЛЯ

РАББИ ЛЕВИ-ИЦХОКА,
ДА БУДЕТ ПАМЯТЬ СВЯТОГО ПРАВЕДНИКА БЛАГОСЛОВЕННА,
ДА УПОКОИТСЯ ОН С МИРОМ,
И ДА БУДЕТ НАМ ЗАЩИТОЙ ЕГО ЗАСЛУГА

МАТЕРИ СВЯТОГО РЕБЕ,
НАШЕГО ГОСПОДИНА И УЧИТЕЛЯ
РАББИ МЕНАХЕМА-МЕНДЛА,
ДА БУДЕТ ПАМЯТЬ СВЯТОГО ПРАВЕДНИКА БЛАГОСЛОВЕННА,
ДА УПОКОИТСЯ ОН С МИРОМ,
И ДА БУДЕТ НАМ ЗАЩИТОЙ ЕГО ЗАСЛУГА,

ШНЕЕРСОНА
ИЗ ЛЮБАВИЧА

Выходит в свет в
“ОЙЦАР Г’А-ХАСИДИМ”

770 ИСТЕРН ПАРКВЭЙ

Бруклин, Н.-Й.

ПЯТЬ ТЫСЯЧ СЕМЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ВТОРОЙ ГОД ОТ СОТВОРЕНИЯ МИРА

MEMOIRS

OF

REBBETZIN CHANA SCHNEERSON

INSTALLMENT 6

Published and Copyrighted © 2011

by

KEHOT PUBLICATION SOCIETY

770 Eastern Parkway / Brooklyn, New York 11213

(718) 774-4000 / Fax (718) 774-2718

editor@kehot.com

Orders:

291 Kingston Avenue / Brooklyn, New York 11213

(718) 778-0226 / Fax (718) 778-4148

www.kehot.com

All rights reserved.

The Kehot logo is a trademark of Merkos L'Inyonei Chinuch.

Отпечатано в России
Перевод подготовлен в издательстве «Лехаим», Москва

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаем вашему вниманию шестой выпуск «Воспоминаний», записанных праведной ребецн Ханой, матерью Ребе¹.

И да будет воля Всевышнего, чтобы это добавление в «распространении источников наружу» привело к подлинному и полному Избавлению с приходом нашего праведного Мошиаха, буквально в ближайшее время.

Издательство «Ойцар Ёа-хасидим»
18 мархешвана
5772 года
Бруклин, Нью-Йорк

¹ Перевод с идиша Цви-Ѓирша Блиндера. Дополнительная информация о настоящем издании — в предисловии к 1-му выпуску.

ВОСПОМИНАНИЯ РЕБЕЦН ХАНЫ ШНЕЕРСОН

С Б-жьей помощью, среда, пост Гедадьи, 5708 года (17.09.47 г.)²

Не писатель я и не дочь писателя, и мое желание — просто записать немного из воспоминаний о моем муже, да будет память о нем благословенна, — о нескольких последних годах его жизни.

У меня были сомнения, смогу ли я справиться с этой задачей, — по двум причинам. Во-первых, получится ли вообще передать на бумаге то, что хранится в памяти. Во-вторых, найдется ли у меня столько спокойствия, сколько требует такая работа.

* * *

2 Дата написания записок, указанная самой ребецн.

В СУД ЗА КУСОК ХЛЕБА

Но это³ было чисто духовное наслаждение. С материальными дело обстояло хуже. Кормить сосланных никто не соби­рался, а сами они найти себе еду не могли — даже за деньги. Как-то раз муж стоял на железнодорожной станции и видел, как покупали хлеб те, кому это было разрешено⁴. Он обратил внимание на человека — судя по всему, высокопоставленно­го коммуниста, — которому выдали двойную порцию. Муж попросил его продать кусочек хлеба (понятно, что суп с мя­сом он взять себе все равно не мог). Коммунист согласился отдать хлеб за определенную сумму денег.

Работник магазина обратил внимание на двух людей, занимающихся «гешефтом» с пайками, что было тогда стро­го запрещено. Он подозвал их обоих — мужа и того челове­ка, который продавал ему хлеб, — и спросил их имена, что­бы сообщить «органам» о незаконной сделке. Я представляю себе ужас, который охватил мужа, — ему грозило обвинение в новом «грехе», и это всего лишь через несколько дней после того, как он приехал сюда по предыдущему приговору!

В большом страхе муж ожидал вызова в суд... Не знаю всех подробностей разбирательства, но могу сказать одно: их не наказали. Возможно, это было связано с высоким по­ложением продавшего мужу хлеб человека, которого суд не имел полномочий обвинить.

Все это происходило накануне того, как я приехала к мужу.

3 Ребецн имеет в виду облачение раввина Леви-Иццока в талес и тфи­лин в первый раз после почти годичного перерыва (см. предыдущую гла­ву).

4 Вероятно, речь идет об отоваривании хлебных карточек. Хотя кар­точная система в СССР была отменена 1 января 1935 года, многочисленные кризисы снабжения в предвоенные годы приводили к тому, что в отдель­ных регионах вновь вводился отпуск продуктов по карточкам.

УГРОЗА КОНФИСКАЦИИ КВАРТИРЫ

После того, как в конце месяца шват мне стал известен почтовый адрес мужа, я в течение нескольких недель занималась тем, что собирала одежду, которую можно было бы ему отправить. Одновременно пыталась навести порядок в квартире. Конечно, это стоило мне немало здоровья. Когда стало известно, что я собираюсь уехать к мужу, квартиру попытались у меня отобрать. Но, во-первых, надо же мне было где-то жить до отъезда, кроме того, я хотела сохранить квартиру, поскольку надеялась, что муж вскоре вернется и все будет как раньше...

Как жена сосланного «контрреволюционера» я не могла, естественно, рассчитывать на нормальное к себе отношение. Однако председатель нашего домкома, еврей-коммунист, вел себя со мной совершенно по-человечески, даже по-дружески. Всеми правдами и неправдами, не считаясь ни с чем, рискуя своим положением и заработком, он все-таки сумел сохранить за мной квартиру. Правда, пришлось «уплотниться»: в одной из комнат поселился новый жилец, а мы с Рахелью жили в другой комнате.

Решив вопрос с квартирой, я продолжила сборы в дорогу, а за неделю до Пурима⁵ отправилась к мужу.

В МОСКВЕ

Учитывая маршруты и расписание поездов, мне пришлось провести Шабос в Москве, а уже оттуда отправиться в пятидневное путешествие в Чиили.

В Москве я питалась хлебом с картошкой. Благодаря содействию знакомого, который работал в НКВД, я получила возможность купить кое-что из продуктов в «закрытом распределителе»⁶, куда имел доступ далеко не каждый. Так что я везла с собой запас еды на некоторое время. Также мне

5 5700/1940 года.

6 Эти слова в рукописи ребецн написаны по-русски.

удалось, ценой огромных усилий, взять с собой пасхальную посуду, кошерный на Песах жир, мацу и вино.

Через другого знакомого, который был своим человеком во всех, как тогда говорили, «высоких окнах», мне достали билет на поезд. Я не только успевала добраться до места назначения до наступления Субботы, но и приезжала не ночью, а днем. Как я уже писала, в тех краях даже днем трудно было ходить пешком — с каждым шагом приходилось вытаскивать ноги из грязи. Ночью же передвигаться было практически невозможно...

Московские друзья и знакомые относились ко мне очень тепло и преданно. Одно это придавало мне сил и позволяло стойко переносить все несчастья.

Приехав в Москву, я прямо с вокзала, без вещей, отправилась в Прокуратуру и записалась в очередь желающих подать прошение об освобождении осужденных. Мне сказали прийти через два дня, в пятницу.

К назначенному времени я снова была в Прокуратуре. Не передать словами тех чувств, которые испытываешь там во время длительного ожидания, а затем – входя в нужный кабинет. Сотни людей сидят в коридорах в ожидании, каждый — с разбитым от горя сердцем, в надежде на лучшее и в страхе перед новыми несчастьями.

Когда я, наконец, попала на прием, меня встретили достаточно приветливо, но в вежливых словах совершенно не слышалось голоса сердца. Похоже, у тех, кто работает в таких местах, его просто нет... Выслушав меня, работники Прокуратуры сказали, что пересмотрят все бумаги, касающиеся ссыльного, и пришлют ответ по почте — на мой домашний адрес. С разбитым сердцем, но все же сохраняя слабую надежду (как все те, кто приходил туда со своими прошениями), я отправилась на квартиру, где остановилась на время пребывания в Москве. Там я провела Шабос, а на исходе Субботы, в двенадцать ночи должен был отправляться поезд, на котором я уезжала в Чиили.

ПЯТЬ СУТОК В ПОЕЗДЕ

Ко времени отправления поезда на вокзал подошли человек пятнадцать наших друзей и знакомых. Пришлось прибегнуть к разным ухищрениям, чтобы я смогла увезти с собой все то, что собрала в дорогу (по закону, такое количество багажа перевозить не разрешалось). В конце концов мы заплатили носильщику, и он погрузил в вагон весь мой багаж.

Поездка должна была продолжаться более пяти суток. Один из провожавших сделал «подарок» проводнице моего вагона, чтобы она все это время уделяла мне внимание, приносила чай и те продукты из ее запасов, которые можно было есть с точки зрения кашрута.

Среди тех, кто ехал со мной в поезде, большинство принадлежало к двум категориям: работники торговли и люди науки — будущие преподаватели недавно открытых в столицах среднеазиатских республик университетов.

РАНА НА СЕРДЦЕ

Я не говорила своим попутчикам, куда и к кому еду. Только на пятые сутки, перед самым завершением поездки, сказала, что еду к сыну, который работает в исполкоме. Поэтому, когда поезд подъезжал к станции, все стали высматривать машину, которая, как думали мои попутчики, должна была меня встречать. В то же время все наперебой твердили мне, как тяжело здесь жить — из-за жары, болотистой земли и комаров. Говорили также, что здесь очень высокая смертность от малярии...

Когда надо было выходить из вагона, мои попутчики помогли мне выгрузить весь мой багаж и стали ждать «сына с машиной». К их изумлению, машины не оказалось, а вместо «сына» на станции появился мой муж, да будет память его благословенна, который пришел вместе с другим ссыльным евреем.

Хотя я была бесконечно счастлива видеть мужа, на меня произвели удручающее впечатление его одежда, выражение лица и весь облик. Все это осталось, как говорится, тяжелой

раной на моем сердце. Однако, несмотря на это, нас — и мужа, и меня — укрепляла мысль о том, что мы снова вместе.

КОМНАТКА В НИЩЕЙ ДЕРЕВНЕ

Наконец мы смогли, что называется, «выйти в город» со станции. Позже нам пришлось туда вернуться, чтобы забрать мой багаж и отнести в то место, где мы теперь жили. На решение этой задачи ушло несколько дней, и когда я уже начала думать, что ничего не получится, муж нашел, наконец, какого-то казаха чуть диковатого вида. Тот взвалил на плечи бóльшую часть привезенных мною вещей, а остальное взяли мы втроем — муж, я и тот еврей, который вместе с мужем приходил на станцию меня встречать.

Идти было не очень далеко, около двух километров, но преодолеть их было не так-то просто из-за липкой грязи, из которой приходилось с трудом вытаскивать ноги. Однако других сложностей на пути нам, к счастью, не встретилось.

Чиили называется поселком, но на самом деле это не более чем ужасно бедная, нищая деревня. Когда местные жители увидели, как мы идем со всеми нашими мешками и пакетами, они начали смотреть на нас как на богачей. Их отношение к ссыльным, впрочем, не было таким уж плохим, так что к нам — при нашем «богатстве» — они относились все-таки лучше, чем обычно относятся к тем, кто богаче.

Комната, в которой мы поселились, находилась в доме, где жила татарская семья — муж, жена и ребенок около двух лет от роду. Чтобы попасть в нашу комнату, надо было пройти через сырую «переднюю» с глиняным полом, в которой всегда было темно из-за полчищ мух, и через комнату хозяев, которая служила им и спальней, и столовой.

Оказавшись в нашем «жилище», я сразу взяла чайник, подбросила в печь наколотых щепок и вскипятила чай. Чтобы пить воду из стакана, после кипячения приходилось некоторое время ждать, пока осядет на дно весь песок. Позже я к этому привыкла, но в первый раз такой чай произвел на меня удручающее впечатление.

Пока мы пили чай, в соседней комнате сидела хозяйка с ребенком, а дверей между комнатами не было, так что толком поговорить мы не могли. А ведь тем для разговоров и историй, которые мы хотели рассказать друг другу, у нас было, наверное, на целый год!

Тем временем наступила ночь, и нужно было подумать об отдыхе. Все освещение в нашей комнате состояло из одного крошечного масляного светильника. Мы поужинали и приготовили кружку с водой на утро⁷ (что в тех условиях тоже требовало усилий). Два окна в нашей комнате я завесила чем-то из привезенных вещей. Только мы собрались заснуть, как на нас обрушилось новое бедствие — мухи, которые летали, жужжали и кусались. Несмотря на все это, удалось немало поспать.

Наступило утро, и все пошло по распорядку, как и во все последующие дни. Каждый вечер мы ходили на станцию — это было единственное место в поселке, где хоть как-то ощущалось течение жизни. Там была определенная скамейка, у которой обычно собирались ссыльные.

Евреев-ссыльных в Чили было всего двое — мой муж и интеллигентный еврей из Киева, бывший бундовец⁸, который к тому времени провел в тюрьмах и ссылке почти два года. Остальные ссыльные были разных национальностей. Все уже знали, что я приехала. Отношения между ссыльными были почти домашними, без каких-либо проявлений национализма. Воспоминания о прошлом объединяли всех... Так, однажды я стала свидетелем разговора мужа с инженером-неевреем. Взяв мужа за бороду, он спросил: «Как вам удалось сохранить бороду? Со мной в камере сидел еврей, которого избили, когда он отказался побриться, а избив — все-таки обрили...»

На этой скамейке мы сидели где-то до десяти вечера, потом все расходились по домам.

7 Для ритуального омовения рук при пробуждении.

8 «Бунд» («Всеобщий союз еврейских рабочих в Литве, Польше и России»), еврейская социалистическая партия. В СССР «Бунд» был распущен в начале 1920 х годов, большинство его членов впоследствии было подвергнуто репрессиям.

לזכות

מר דוד וזוגתו מרת שרה עלקא שיחיו

ולזכות בניהם ובנותיהם

דניאל, נתן, רחל עטל, מרים מאניא ויוסף יעקב

שיחיו לאריכות ימים ושנים טובות

אמינוב

נדפס בהערכה רבה

על ידי שלוחי הרבי למוסקבה

Давиду (Вадиму) Аминову и его семье:

супруге Саре-Эльке (Стелле),

детям Даниэлю, Натану, Рахель-Этель, Мирьям-Мане

и Йосефу-Якову —

с чувством сердечной признательности

Посланники Ребе в Москве